

— Есть же люди, из-за которых даже поесть спокойно нельзя. У этого Цю Янфэна в голове восемьсот разных замыслов, это куда утомительнее, чем ужинать с моим черносердечным начальником, — едва переступив порог комнаты, Гу Юаньлинь устало рухнул на кровать.

Какая ментальная усталость!

Бормоча себе под нос, Гу Юаньлинь покосился на сидевшего за столом Юнь И. Тот выглядел отрешенным и, похоже, совсем не расслышал странных речей Гу Юаньлиня.

Вспомнив, что со второй половины дня Юнь И ходит сам не свой, Гу Юаньлинь резким движением подскочил, уселся прямо перед ним и спросил:

— Юнь И, что с тобой? Ты что-то обнаружил?

— А? Что ты только что сказал? — Юнь И опомнился, словно и впрямь пропустил его вопрос мимо ушей.

— Я говорю, неужели ты что-то раскопал? С самого возвращения сам не свой, смотреть страшно, — Гу Юаньлинь протянул ему чашку чая, а на дне его глаз плескалась неподдельная тревога.

Юнь И взял чашку, но так и зажал ее в пальцах, не притронувшись к питью. На его лице застыло выражение тревоги и растерянности, и он с сомнением произнес:

— А-Юань, ты обратил внимание: Цю Янфэн, кажется, совсем не ест побеги бамбука.

Гу Юаньлинь припомнил их перепалку за столом и мгновенно сообразил, что Юнь И испытывал хозяина павильона. Да так незаметно, что Цю Янфэн, наверняка, ничего не заподозрил. Уверенно кивнув, он сказал:

— Точно. Похоже, он не лгал, должно быть, и вправду не любит их. Только... — Гу Юаньлинь нахмурился, — разве тут есть над чем ломать голову? Я вот тоже не люблю побеги бамбука.

— Само по себе это и не должно вызывать подозрений. Странное кроется в обеде, который днем отнесли в кабинет, — Юнь И пристально посмотрел на Гу Юаньлиня и спросил: — Ты помнишь, сколько блюд вынесла служанка из кабинета в полдень?

Гу Юаньлинь задумался:

— Ну... штук шесть-семь, наверное.

— Их было ровно шесть. А-Юань, тебе не кажется, что для одного человека шесть блюд — это многовато?

— Может... Цю Янфэн просто переборчив в еде или страшно расточителен? Разве не в порядке вещей, когда такие знатные господа, как вы, заказывают целый стол, а потом, попробовав всего пару ложек, велят все выкинуть?

— ... — Юнь И бесстрастно посмотрел на Гу Юаньлиня, поставил чашку на стол и спокойно произнес: — Не исключено. Но самое подозрительное другое: почти ко всем блюдам едва притронулись, и только тушеные побеги бамбука были выметены подчистую. А ведь Цю Янфэн он —

— Он вообще терпеть не может побеги бамбука! — догадался Гу Юаньлинь и невольно воскликнул.

— Как по-твоему, А-Юань, кто тогда съел эти побеги? И кому вообще носили еду?

Гу Юаньлинь не нашелся с ответом, погрузившись в те же раздумья, что и Юнь И минутой ранее. Выходило, в кабинете этого главы павильона таилось немало секретов! Но в таком месте, как кабинет, посторонних быть не должно — разве только этого человека Цю Янфэн безоговорочно доверяет.

— У меня тоже появилась одна догадка. Что думаешь, Юнь И? — вполголоса осведомился Гу Юаньлинь.

В глазах Юнь И мелькнула мрачная тень, и он глухо ответил:

— У меня смелое предположение: в кабинете Цю Янфэна прячется кто-то еще. Причем этот человек ему чрезвычайно дорог, либо его присутствие нельзя афишировать — иначе невозможно объяснить, почему столько времени никто ничего не замечал.

— Как интересно. Этот глава павильона и впрямь мастак преподносить сюрпризы, — через силу усмехнулся Гу Юаньлинь, говоря с точностью до наоборот. — Спрятан кто-то или нет — стоит лишь при случае все разведать. Глядишь, отыщем и другие зацепки.

— Похоже, придется поискать возможность вывести все как можно скорее. У меня нехорошее предчувствие: этот Цю Янфэн куда сложнее, чем кажется на первый взгляд, — нахмурившись, с беспокойством произнес Юнь И.

— Хватит ломать голову, давай спать. Разве ты не обещал завтра вместе с Цю Янфэном любоваться видами в горах? — напомнил Гу Юаньлинь.

— Чуть не забыл, — пробормотал Юнь И, а затем, словно о чем-то вспомнив, смущенно

спросил: — А-Юань, мы... как мы будем спать?

— А? Ох! Забыл про это. Ну... я лягу на полу, а ты на кровати, одеяло только мне уступи, ладно?
— с этими словами Гу Юаньлинь потянулся за постелью.

Юнь И опередил его, шагнув к кровати:

— А-Юань, давай лучше я на полу. В конце концов, ты здесь из-за меня... — Вспомнив, как в прошлый раз Гу Юаньлинь рассердился из-за его слов о том, что он стал для него обузой, на этот раз Юнь И выразился гораздо мягче.

— Не нужно, я сам захотел поехать, не пытайся вечно брать всю вину на себя.

За те несколько дней, что они провели вместе, Гу Юаньлинь понял, что Юнь И — человек до мозга костей честный, добрый и взваливающий на себя чужие заботы, а его мысли и поступки выдавали не по годам зрелую личность.

Эта зрелость отличалась от той, что была присуща самому Гу Юаньлиню. Гу Юаньлинь рано столкнулся с изнанкой жизни и познал немало лишений, из-за чего казался тертым калачом. Юнь И же с первого взгляда угадывался отпрыском знатного рода, не ведавшим жизненных бурь: его зрелость была благородным воспитанием, вписанным в самую кость, рыцарственным и милосердным сердцем, унаследованным от мудрых предков древности.

Если только дело было не в его собственном характере — тогда, пожалуй, семья возлагала на него слишком большие надежды, задавив непосильной ношей.

При этой мысли Гу Юаньлиню стало немного жаль Юнь И, и он подумал: видать, сынкам богачей тоже несладко живется. Куда свободнее жить по принципу: один поел — и вся семья сыта, никаких забот.

Опомнившись и заметив, что Юнь И все еще замер у кровати, он неожиданно спросил:

— Юнь И, сколько тебе лет?

— А? — Юнь И опешил, но всё же честно ответил: — Девятнадцать.

— А мне двадцать, я старше на год. Уважение к старшим понимаешь? Должен меня слушаться.

С этими словами Гу Юаньлинь подхватил одеяло, устроился с ним на полу и уже не слушал, возражает Юнь И или нет.

Видя такое упрямство, Юнь И беспомощно вздохнул:

— ...Ладно. А-Юань, если спать будет неудобно, тогда я лягу на пол.

— Не переживай, — Гу Юаньлинь уже вытянулся на полу. — Мне доводилось спать на куда более жестких досках, разве это беда!

— А-Юань, ты... тебе ведь пришлось несладко в прошлом? — Юнь И тоже лег на кровать и, повернув голову, тихо задал вопрос.

Когда он впервые встретил Гу Юаньлиня, тот произвел на него впечатление дерзкого юноши в нарядных одеждах, полного неиссякаемой юношеской энергии — такого однажды увидишь и уже не забудешь. Ни по одному признаку в нем нельзя было угадать человека, перенесшего много тягот. Но лишь сблизившись, Юнь И понял, что Гу Юаньлинь вовсе не так беспечен, как казалось, и за его плечами наверняка таилось немало горьких испытаний.

— Раньше и правда приходилось несладко, все рвался к свободе. А повзрослев, понял: настоящей свободы у человека нет, куда ни кинься — отовсюду тебя оплетают путы. Но нынешней своей жизнью я вполне доволен, — взгляд Гу Юаньлиня слегка потускнел, рука сама потянулась к висевшему на груди амулету долголетия, и он принялся оглаживать вырезанные на нем иероглифы.

Юнь И заметил это движение и заговорил:

— Еще при первой встрече я обратил внимание на твой амулет долголетия. На нем высечено твое имя, верно? Юаньлинь. Иероглиф лин означает изобилие благ во Вселенной и полноту жизненных сил. Похоже, твои покойные родители очень любили тебя и желали лишь одного — чтобы ты дожил до ста лет.

— Да, родители были добры ко мне, и мне очень повезло повстречать их.

Как было бы здорово, окажись они моими настоящими родителями.

Эту фразу Гу Юаньлинь произносить не стал. Он молча перевернулся на другой бок и глухо бросил:

— Спим.

Больше он не произнес ни слова.

Юнь И тоже умолк. Каждый из них был погружен в собственные мысли и вовсе не спал. По правде говоря, в эту первую ночь на Вилле Закатных Облаков ни один из них не осмеливался

погрузиться в глубокий сон.

Около девяти вечера с восточного края неба поднялся тонкий серп убывающей луны. Тени бамбука и цветочные ароматы со всего двора хлынули следом за лунным светом в комнату, окружая лежавшего на полу Гу Юаньлиня.

Прищурившись, Гу Юаньлинь предавался тишине этой ночи. Подняв взгляд, он подумал, что не будь они в столь опасном месте, где подвоха ждешь на каждом шагу, нынче выдался бы прекрасный вечер для созерцания пейзажей — глядишь, Юнь И даже сочинил бы какое-нибудь стихотворение.

Он уже хотел перевернуться, чтобы проверить, заснул ли Юнь И, но, подумав, остался лежать неподвижно. Поздно уже, пусть как следует отдохнет.

Гу Юаньлинь не знал, что лежавший на кровати юноша точно так же не смыкал глаз и в эту минуту разделял с ним созерцание ночного вида.

Шорох... Хруст!

С крыши донесся едва уловимый звук. Острый слух и зрение — неперенные навыки для всякого, кто практикует боевые искусства, поэтому, хоть шум и был едва слышен, Гу Юаньлинь его уловил: кто-то ходил по крыше, и, судя по поступи, легкостью этот человек не отличался, владея боевыми навыками в немалой степени.

— Юнь И! — Гу Юаньлинь перевернулся и тихо позвал.

— Я слышал. Их больше одного, — последовал спокойный ответ из темноты.

Гу Юаньлинь торопливо вскочил, подхватил одеяло, бросил его на кровать, и они с Юнь И, вооружившись мечами, встали спина к спине в защитную стойку.

Шум на крыше внезапно оборвался, а у дверей промелькнула темная тень.

— Выйдем, проверим, — Гу Юаньлинь отворил дверь, и они вместе с Юнь И вышли во двор. В этот момент тучи заволокли луну, и двор вмиг погрузился во мрак. Вокруг не было ни души.

— Осторожнее, человек в черном наверняка далеко не ушел, — предупредил Юнь И.

Не успело замереть эхо его голоса, как Гу Юаньлинь ощутил леденящий холодок между лопатками. Инстинктивно увернувшись, он крутанулся на месте, освобождая правой рукой путь для Меча Разбивающих Звёзд, и с размаху отбил колющий удар, направленный ему в спину.

Едва Гу Юаньлинь застыл на месте, как напавший из засады скрывший лицо под маской человек снова ринулся в атаку. Гу Юаньлинь взмахнул мечом, ввязываясь в схватку. Юнь И попытался прийти на помощь, но снаружи послышался глухой стук, и, почуяв неладное, он бросился обратно в комнату. Там он впрямь увидел темную фигуру, которая нагло шарила по их дорожным узлам.

Заметив метнувшегося к нему с обнаженным мечом Юнь И, непрошенный гость замер, а затем сам пошел в атаку. Силы в его ударах было немного, но каждый выпад нес смертельную угрозу и отличался предельной жестокостью. Нападая, он словно и не собирался затягивать бой. Юнь И смутно показалось, что приемы этого человека в черном ему знакомы.

Свирепый натиск оттеснил Юнь И к самым дверям. Наемник внезапно переменил дерзкую манеру боя, влил в клинок всю внутреннюю энергию и прямым выпадом метнул его в грудь противника. Юнь И вскинул меч для защиты, но этот удар оказался лишь обманкой: на середине движения лазутчик резко дернул руку назад и, воспользовавшись моментом, пока Юнь И защищался, большими шагами выскочил за дверь, устремляясь вглубь заднего двора.

Подозрительный донельзя человек в черном не давал Юнь И покоя. Бросив взгляд на оставшегося позади Гу Юаньлиня и заметив, что тот постепенно берет верх над своим противником, Юнь И крикнул: Я за ним! — и, пустив в ход легкость движений, бросился в погоню за убегающим лазутчиком.

— Юнь И, погоди, тут нечисто! — попытался остановить его Гу Юаньлинь, но во дворе и след простыл.

<http://bllate.org/book/21865/2269496>